

Владимир Кемецкий

(1902 – 1938)

Владимир Кемецкий (Свешников)
Рисунок Д.С.Лихачева

И Свешников нежнейший миннезингер...
Б. Поплавский

Владимир Сергеевич Свешников родился в 1902 году в Петербурге. В начале 20-х годов Владимир Свешников с эмигрировавшими из революционной России родителями оказался в Париже. Здесь рано проявился его поэтический талант, он был членом творческого объединения "Через", в которое входили Илья Зданевич, Борис Божнев, Александр Гингер, Валентин Парнах, Георгий Евангулов, Борис Поплавский, Сергей Шаршун и др. В салоне Гиппиус и Мережковского, который посещал молодой поэт, его стихи пользовались успехом. Но неуёмный характер не давал покоя, эмигрантская среда казалась ему душной, не дающей возможности выразить свое мировоззрение, которое, как и у многих молодых в те годы, было леворадикальным. Владимир вступает в молодежную

прокоммунистическую организацию, принимает активное участие в её работе. Такая деятельность эмигранта не могла остаться безучастной со стороны полиции, и его высылают из Франции. Попав в Берлин, Владимир продолжает заниматься как политической деятельностью в составе немецкого комсомола – Югенбунда, так и творчеством. Поссорившись с отцом, неодобрявшим его стремление вернуться в Советскую Россию, он пишет стихи под псевдонимом Кемецкий (по фамилии матери).

Один из самых ярких представителей русской эмигрантской поэзии Борис Поплавский посвятил Кемецкому два стихотворения, использовал в качестве эпиграфа строки одного и написал о нем и его товарищах по творческому объединению:

.....
Приятно пишет Александр Гингер
Достигши лучших чем теперь времён
И Свешников нежнейший миннезингер
И Божнев божий с неба обронён
.....

В 1924 году, стараниями вернувшегося из эмиграции Валентина Парнаха, три стихотворения Кемецкого, вместе со стихами его товарищей по творческому объединению “Через” А.Гингера и Б.Божнева, были опубликованы в московском альманахе “Недра” (кн.3) – уникальный случай публикации эмигрантских поэтов в советской печати того времени.

В 1926 году Владимира Свешникова высылают и из Германии, и он оказывается в Советском Союзе – сначала в Москве, затем в Тифлисе, где работает корреспондентом газеты "Заря Востока" и, наконец, в Харькове. Владимир много работает, пишет стихи, имеет большой круг друзей, казалось бы, дышит полной грудью, но не понимает, что в этой стране не всё и не всем можно говорить и любая неосторожно сказанная фраза, анекдот или просто шутка могут привести к аресту, тем более бывшего жителя Парижа и Берлина. Так оно и случилось. Свешников (Кемецкий) был арестован, обвинён в шпионской деятельности и отправлен на Соловки. По словам Дмитрия Лихачева, некоторое время жившем с ним в одной камере, здесь он был постоянно голоден, ходил полным оборванцем, но красота соловецкой природы не давала покоя его поэтической душе, он пишет стихи, которые публикуются в журнале "Соловецкие острова".

После Соловков Владимир Свешников (Кемецкий) ждёт своей участи в Кемь (судьбе было угодно, чтобы Кемецкий попал в Кемь): в

Кемперпункте ждали своей участи те, чей срок освобождения приходился на время отсутствия пароходного сообщения. К этому времени относятся его лучшие стихи. Тема ожидания близкой смерти в них главная.

Последовала в 1930 году ссылка на два года в Архангельскую область. После ссылки Свешникову запретили жить в двенадцати крупнейших городах СССР, своим пристанищем он выбрал Воронеж и поселился здесь в апреле 1932-го, а в январе 1933 года переехал в Орёл. Уже через месяц его снова отправляют в ссылку, на этот раз в Башкирию. После освобождения, по некоторым сведениям, Кемецкий обосновался в Уфе, где жил страшно бедствуя, но на свободе, затем в Керчи Крымской АССР, работая корректором в редакции газеты "Керченский рабочий". Свобода для него продолжалась недолго. 22 августа 1936 года новый арест. Особым совещанием при НКВД СССР 3 января 1937 года по обвинению в "контрреволюционной троцкистской агитации" приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Ухтпечлаг.

23 ноября 1937 года заключенный Свешников был арестован по обвинению в "контрреволюционной агитации". 21 декабря 1937 года тройкой УНКВД Архангельской области по ст. 58-10-11 УК РСФСР он был приговорен к расстрелу. 29 января 1938 Владимир Кемецкий был расстрелян в печально знаменитом лагере Ухтарка. В этот же день и там же был расстрелян поэт Николай Бруни. Успели ли они познакомиться в лагере нам уже не узнать.

В.Кишиневский

* * *

**Бывает так, что видеть не хочу я
Вино и дым, и липкие столы,
И я тогда до наступленья мглы
По городу без усталы кочую.**

**И часто в сквере где-нибудь ночью,
Над головою тополей стволы,
И хоть скамейки твёрды и малы,
Но сплю я так, что ничего не чую.**

**А просыпаюсь — холодок и рань...
Уже слышны на ближнем перекрёстке —
Собачий лай и чей-то смех и брань,**

**А на домах, совсем простых и плоских,
Вся золотится старая извёстка,
И так свежа под окнами герань.**

Париж, 1922

МОЕЙ МУЗЕ

То струн ли отдалённых переборы,
То ль ветра стон — иль милый голос твой?
Веду опять, прелестная, с тобой
Воображаемые разговоры.

Не раз ко мне, гонимому судьбой,
Задумчивые покидая горы,
Слетала ты. Твои движенья скоры,
А в волосах дыханье влажных хвой.

Звук узнаю негромкого напева —
Ты вновь со мною, солнечная дева,
Посланница парнасских гулких скал...

Позволь же, гостя, за твоё здоровье
Наполненный незримых гроздьев кровью
Поднять воображаемый бокал.

Москва, 1927

* * *

**Испей вина созвездий и лучей,
Цветов и трав. И радостно спокоен
Да будешь ты, как неистомный воин
В бушующем скрещении мечей.**

**Растущий ствол судьбы могуч и строен —
Таков и ты, слух напряжённый чей
В замедленном движении ночей
Цветущих звёзд привета удостоен.**

**Блажен, кому прислушаться дано,
Как тёмное колышется вино
В хранилище небесных водоёмов,**

**Кто проникал в сплетенья дальних лоз
Иль в мерное произрастанье звёзд
На целине ночного чернозёма.**

Москва, 1927

* * *

**Непрестанное движенье...
Реки и миры текут,
Нет минут без зарожденья —
— И без смерти нет минут.**

**Беззакатно солнце жизни —
— В полыхающей воде
На один я луч нанизан
С поколеньями людей...**

**Будет страх, и холод будет,
Часа позднего гонец,
В медленном ночном безлюдье
Смерть придёт — всему конец.**

**Но едва лишь стон затихнет,
Слабый мой, последний стон —
— В тот же самый миг воскликнет
Мысль моя — я вновь рождён!**

Москва, 1927

* * *

В эту ночь я не сплю, в эту ночь я замер,
Слушая вздохи соседних камер
И яснейшую из всех речей —
— В коридорах звяканье тяжких ключей.
Чёрною тенью, превыше всех мер,
Громко по двору ходит смерть...
Плач за стеной возник, продлился и потух.
Ворвался ветер — и об решетку — в ключья...
Заутреню моей последней ночи
Пропел петух —
— Ночей внимательный пастух.
Шагает ночь. Минуты — всё длинней.
Шагает ночь. В моём окне
Рассветные едва синеют воды —
— Утра потерянный след,
Отсвет дальней свободы
На побледневшем от страха стекле.

Харьков, 1927

ПРЕКРАСНОЙ НЕЗНАКОМКЕ, ЛЮБЕЗНО СНАБДИВШЕЙ МЕНЯ ПАЧКОЙ МАХОРКИ

**Зброшен я в тринадцатую роту,
Где стены прошлым отягощены,
Где звук псалмов сменила брань шпаны,
Махорка — ладан, сумрак — позолоту.**

**Как древле жрец, которому видны
В мечтаньях небожителей высоты,
Пел гимн и смолы сжигал без счету
Во мгле святилищ, полных тишины —**

**Так я, вам благодарный заключённый,
Под сводами собора заточённый,
Во храме обветшалом и глухом,**

**Спешу гиперборейской Афродиты
Восславить лик, увы, от взора скрытый —
Махорки воскуреньем и стихом.**

Соловки

* * *

Как преждевременная седина
Вплетаются серебряные нити
В усталый воздух. Холод. Тишина...
И солнце позабыло о зените.

Оскудевает осени рука,
Напрасным золотом прикрыть пытаюсь тленье,
И запечатлевают облака
Немых полей блаженное усенье. —

— И безучастный медленный покой
Меня все более объемлет...
Мне странно, что и ныне под ногой,
Шагая вдаль, я ощущаю землю.

Последней нежности роняю лепестки...
Ещё твои, как прежде, кудри глажу
И что-то говорю, и улыбаюсь даже,
Твоей касаюсь трепетной руки.

Но мнится мне, что я давно покинул
Тебя, прекрасный друг, что в холод голубой
Я отлетаю светлой паутиной
Над молча умирающей землёй.

Соловки, 1928

БЕЛАЯ НОЧЬ

**Двух бледных зорь немая встреча.
И крылья чайки, и залив...
Всю ночь не умирает вечер,
С часами утренними слит.**

**Плывут в изменчивом движеньи
Вдоль искривлённых берегов
Расплывчатые отраженья
Зеленоватых облаков.**

**И так томителен над нами
Двойной зари двуличный свет...
Обманчивое упованье —
Забывтой страсти мёртвый след.**

Соловки, 1928

* * *

Из тёмных уст недремлющей судьбы
Ответ исторгнуть ты напрасно хочешь...
Глухим богам ты шлѐшь свои мольбы,
И чуда ждѐшь, и на костер восходишь.

А я скажу — бездействовать прими
Решенье горестное и простое, —
— Знай, ни любви, ни жертвы этот мир,
Ни даже ненависти не достоин.

Надеждой малодушною ласкать
Не стоит сердце. Падших поколений
Слепая жизнь, бессмысленна, низка,
Пусть кружится в безмерном отдаленьи.

Способна только издали она
Утехой быть рассеянного взгляда —
— И нам единственная суждена
Вина и звѐзд бесстрастная услада.

Соловки, 18 января 1929

ФЕВРАЛЬ НА ОСТРОВЕ

О жизни и о радости вестей
Нам даже ветер не приносит боле...
Я покорился беспощадной воле
Судьбы — и хмелем пройденных путей

Упитья вновь не мыслю. Всё черствей
И равнодушной становлюсь в неволе,
И чуждым внемлю я без прежней боли
Звучаниям полярных областей.

О, жизнь моя, ты полюса достигла
Недвижного — и дремлешь: вокруг тебя
Пурга взметает снеговые иглы,

И, льды нагромождая и дробя,
Рокочет вал полуночного моря,
И стонут берега, глубинам вторя.

Соловки, 1929

БАЛЛАДА О КАРЕЛЬСКОЙ СОСНЕ

Карельская глушь... Лесные сны...
Озёрная сторона...
Корнями опутывая валуны,
Росла кондовая сосна.

И ветер пел, и ствол скрипел,
И в ветвях завывала пурга,
Пробиралась пурга по незримой тропе,
И в сугробах дремали снега...

Но день пришел. Разгоралась вдали
Рассветная полоса...
В молчаливую чашу внезапно вошли
Человеческие голоса.

И кто-то, сумерками объят,
Сказал: «Начинать пора», —
И кто-то, одетый в серый бушлат,
Сталью сверкнул топора.

Стучал топор. Тяжело человек
Дышал — и, им сражена,
Грузно рухнула в рыхлый снег,
Ломая кустарник, сосна.

И вскоре пароход, под рычание волн,
Под шторма полярного стон,
Уносил прямой, оголённый ствол
В далекий Саутгемтон...

Ветер, волны и чаек крик...
Парусов напряжённый брезент...
Шёл по Белому морю британский бриг
«Каунти оф Нортумберленд».

Даль — мутна, холодна волна,
Моря враждебен шум...
Тяжестью стали и чугуна
Тёмный наполнен трюм —

Это к карельским берегам,
В край лесов и трясин,
Шеффилд шлёт, и шлёт Бирмингам
Мерную силу машин...

И стояла в убранстве брезента и рей
Над палубою судна
На оснастку сменившая хвою ветвей
Карельская сосна.

И ветер пел, и ствол скрипел,
И рождались глухие сны —
Об озерах сны, о лесной тропе —
В смолистом сердце сосны.

И сосна задрожала ветвями рей —
Небосклона сломалась дуга,
И вышли из тумана навстречу ей
Гранитные берега.

Соловки, 14 октября 1929

ВОСПОМИНАНИЕ

Только зеркало не вспоминает
В глубь его смотревшие глаза —
Наша память мечется, шальная,
Вскрикивает и зовёт назад.

Каждый день болезненно отмечен
С пробужденья моего, с утра,
Радостями незнакомых встречных
И печалью чужих утрат.

Так, должно быть сам того не зная,
Мучается старый клён
И взволнованно припоминает
Позабывших множество имён —

Нежных, девичьих имён, когда-то
Вырезанных на коре его,
Полустёртых, никому не внятных,
И не трогающих никого.

1929

КОРСАР

Мои корабли застоялись в заливе...
Меня слишком долго они ждали...
Матросы весёлые мне изменили,
Покинув для берега пенные дали.

Весёлые парни, гуляют матросы,
Пьют пиво хмельное в приморских тавернах,
Забыли о солнце, о ливнях, о грозах
В объятиях девушек, стройных, как серны.

Так слушай приказ, экипаж мой суровый.
Бегу из темницы сегодняшней ночью.
Подкуплена стража. Друзья наготове...
Со мною товарищ – он славно отточен.

И ясные взоры клинок отражает,
Бесснежные кудри... О, зеркало стали.
Сегодня измену ещё не караю,
Еще неподвижен корабль на причале.

Пусть каждый пьёт радости в ласковом взоре,
И сердце на чуткой груди отогреет...
А завтра... В открытом, всколоченном море
Десятый изменник повиснет на рее.

Зарей полыхает нахмуренный вечер,
Вздувается парус над зыбью шумливой...
Вперед, капитан. Вновь – просторы и ветер,
Мои корабли застоялись в заливе.

1929

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

Кто доверялся песне и мечте,
Кто не страшился странствия земного,
Кто падал от усталости и снова
Бродяжничал. Кто в очи нищете

Умел глядеть с улыбкой, — знают те,
Какую радость возвести готово
Подчас простое, человеческое слово,
Иль возглас чайки в бледной высоте...

И ты напрасно вкрадчиво и тихо
Нашёпчиваешь, горестное лихо.
Прочь, одноглазое, доколе нить

Годов моих прядётся, укоризне
Бесплодной не продам я жизни,
Не разучусь смеяться и любить.

«Соловецкие острова». 1929. № 1

1 ЯНВАРЯ 1930 ГОДА

Братья, грустию томимы,
Соберёмтесь за столом,
Вспомоляем о былом,
О далёких, о любимых...

Где-то бодрствуют зеркала,
Тайну прошлого храня,
Где-то пенятся бокалы
И встречаются, звеня.

И, утеха дедов наших,
Спутницы былых побед,
Пунша пламенные чаши
Разливают синий свет...

Чей забота взор туманит?
Чьи задумались глаза?
Чья тяжёлая слеза
В искромётной влаге канет?

Под гитары томной пенье
К нам подходят чередой
Сердцу милые виденья,
Воскрешённые мечтой...

И сверкает по равнине
Вьюга пенистым вином,
И трепещет бледно-синий
Сполох пуншевым огнём.

И протяжным медным стоном,
Возвещая Новый Год,
На часах двенадцать бьёт
Медленно и неуклонно.

ПРОЩАНИЕ

**Большая и торжественная птица
Летит в закат. И лиловет лес.
Мне хочется безгорестно проститься
С земным теплом, с прозрачностью небес.**

**И я несу изношенное тело
В смолой и влагой полные часы,
Чтоб было легче разум охладельный
Пролить на землю каплями росы.**

**Медлительно и сладко расставанье
С тенями чувств, ошибок и отрад...
В бесхитростном полусуществованьи
Да растворится соль моих утрат.**

**И странно мне и радостно сознание,
Что плоть мою победно обовьют
Кривые сосны алчными корнями
И выпьют, не спеша, как воду пьют,**

**Что всё забудется и всё простится,
Всё догорит, как солнца алый дым.
И будет только вечер, и над ним
Полет большой и одинокой птицы.**

1930

ПОЛУСТАНОК

Уложились в четыре квадрата
Замутненного пылью окна
Водокачка с пристройкой досчатой,
Семафор на краю полотна.

Дни проходят бесшумно, как воры,
Исчезая в пустом забытьи,
И напрасно крыло семафора
Говорит, что открыты пути.

Не уйти. Медный маятник глухо
Шепчет: много воды утекло...
Не уйти... Ошалевшая муха
Тщетно бьётся в тугое стекло.

День как день, без тревог и вопросов,
Полустаночный медленный день...
Можно выпить, скурить папиросу,
Иль писать, если думать не лень.

Можно слушать, как ветер по крыше
Ржавой жестью протяжно гремит,
Как за печкою возятся мыши
Да собака скулит за дверьми...

А потом — равнодушнее смерти,
Неотвязней бессвязного сна,
Дождь косыми штрихами зачертит
Все четыре квадрата окна.

1930

ДРУГУ

Ещё над городом твоим
В туманах солнце не поблекло,
И розовеет синий дым,
И красной медью блещут стёкла...

И расточительного дня,
Прощального свидетель пира,
Мой друг, ты вспомнишь ли меня?
Твоя задумчивая лира

Чуть слышной жалобой струны —
Проговорится ли случайно
О нежности и грусти тайной,
О днях утраченной весны?

О, если так, — покорен чуду
Любви твоей, невольник твой,
Я неизменно счастлив буду
В моей пустыне снеговой.

И пусть солёные просторы
Взнуздают непреклонный лёд,
Пусть бореальная Аврора
Свой пламень мертвенный прольёт,

Пусть молча ночь стоит на страже
И чёрных не смыкает глаз, —
Внимаю прошлого рассказ,
И та же боль, и радость та же
Звездой мерцающей зажглась.

19 декабря 1930

* * *

Над снегом воздух тих и мглист
Вечерний. Солнце напоследки
Похоже на потухший лист,
Едва держащийся на ветке.

Своих лишённая красот,
Земля узнала — тёмный ветер
Сей лист поблекший оторвёт
И звёзды горькие засветит.

Прислушайся: от стужи пьян,
Под окнами уже рокошет
Величественный океан
Последней ледовитой ночи.

О, Муза, не печалься ты,
И не страшись угрозы рока, —
Прекрасны белые цветы,
На стёклах выросшие окон.

Ты поселись в моем углу
С гремящим холодом в соседстве,
И наступающую мглу
Вином и песнями приветствуй.

ПЕРЕД НАВИГАЦИЕЙ

**В иных краях безумствует земля,
И руки девушек полны цветами,
И солнце льётся щедрыми струями
На зеленеющие тополя...**

**Ещё бесплодный снег мертвит поля,
Расстаться ветер не спешит со льдами,
И ветер ходит резкими шагами
Вдоль ржавых стен угрюмого кремля.**

**Непродолжительною, но бессонной
Бледно-зелёной ночью сколько раз
Готов был слух, молчаньем истомленный,**

**Гудок желанный услышать для нас
О воле приносящий весть, быть может...
Но всё молчит. Лишь чайка мглу тревожит.**

1930

ПЕСНЬ О ВОЗВРАЩЕНИИ

**Разбиваются в море льды,
Вдоль тропы прорастает трава,
Острый запах солёной воды
Обволакивает острова.**

**Разбиваются льды, звеня,
Хриплый ветер кричит, смеясь...
Ты едва ли узнаешь меня
В нашей встречи вечерний час.**

**Снег блестит на моих висках,
На лице морщины легли —
Ибо тяжко ранит тоска
На холодном краю земли.**

**Слишком долго к тебе одной
Белой вьюгой рвалась душа,
Когда сполох мерцал надо мной,
Как прозрачный твой синий шарф.**

**Слишком много ночей я вникал
В зимних звёзд ледяную игру —
Ожерелья твои вспоминал,
Упадающие на грудь...**

**Я приду — и внесу в твой дом
Запах водорослей и смолы,
Я приду поведать о том,
Что узнал у замшелой скалы.**

**И прочту я тебе стихи
О стране, где не пахнут цветы,
Не поют по утрам петухи,
Не шуршат по весне листья.**

Расскажу тебе про народ
Неприветливых этих мест —
Он отважно и просто живёт,
Бьёт тюленей и рубит лес.

Догорят в камине огни,
Затуманится голова...
Всё равно, ни к чему они,
Человечьи пустые слова...

Замолчу. Оборву рассказ.
 Попрошу для трубки огня.
 Может быть, хоть на этот раз
 Ты сумеешь услышать меня.

1931

* * *

**Зима души грядёт неотвратимо.
Полёт ночей безжалостен и быстр.
Так некогда глядел изгнанник Рима
На сумрачный, обледенелый Истр.**

**Метели Скифии... Тоска... Овидий...
Тепло косматых варварских овчин.
И злая память о былой обиде —
Ей не дано сгореть в чужой печи.**

**Поют снега. Как белый ястреб, кружит
Над домом вьюга в чёрной вышине.
Мир исчезает в полночи и стуже —
— А дружбы голос глуше и нежней.**

**Я тщетно струн касаюсь полусонных —
— Молчат они, смертельно ослабев...
Старинные гекзаметры Назона
Скандируют метели нараспев.**

1931

ПИВНАЯ

Хозяин, пива. Нынче — пленница
Моя душа. Не стоит думать...
Чадит махорка, пиво пенится,
И пробки хлопают угрюмо.

Скорей, ещё давай полдюжины.
В пустом стакане — мало толку...
Я смерть зову своею суженой,
И с нею праздную помолвку.

Ещё глоток, тяжелый, длительный,
И дым — как небо голубое...
Раскачиваются медлительно
Цветы на выцветших обоях.

Что смотрите обеспокоенно?
Вот — подошла. Всё крепче, крепче
Жмёт руку мне, вот надо мной она
Склоняется и шепчет, шепчет —

— Люблю... Да, знаете ль вы, пьяницы,
Что сей кабак — святое место...
Она со мною не расстанется,
Моя нежнейшая невеста...

А жизнь, как нищенка, которую
Имели в очередь в потёмках,
Уйдёт походкою нескорою
С набитой корками котомкой.

1931

* * *

Дикой тройкой мчалось небо вороное,
Фонари шарахались во все концы,
Звёзд позвякивали надо мною
Пьяные, серебряные бубенцы...

Вспугнутыми птицами взлетали годы,
Ветер непутевый обжигал лицо...
Где ж вы, ночи юные шальной свободы,
Пальцы бледных рук и тонкое кольцо?

Лишь одно осталось — белая дорога,
Убегающих полозьев дальний стон.
Да за поворотами кружится немного
Снежной пыли в воздухе пустом.

Что ж, пойду, шагая по сугробам,
Памяти непрошеной скажу — молчи...
Молча надо мной горят огнём суровым
Звёзд недвижных мёртвые лучи.

1931

САГА ОБ ЭРИКЕ, СЫНЕ ЯЛЬМАРА, И О ПОСЛЕДНЕМ ИЗ ЕГО ПОТОМКОВ

I

Светлою, чешуйчатую сталью
С головы до ног облечены,
На ладьях дубовых вылетали
Мужи фьорда, возжелав войны.

Вдоль бортов тяжёлые висели
Воинов округлые щиты,
Волны бились в пенистом весельи
В свежепросмолённые борты.

И над выпуклой равниной моря
Завывали хриплые рога,
И скрывались в утреннем просторе
Затуманенные берега...

Были алчны, веселы и смелы,
Юной волею опьянены,
Крепче ясеня упругим телом
И душой стремительней волны.

От болот Фрисландии холодной
До сирийских знойных берегов
Возникали из пучины водной
Толпы белокурых смельчаков.

Ревом стад, возов протяжным скрипом
Наполнялись колеи дорог,
И вороньим неумолчным криком
О беде вешал угрюмый рок.

А в монастырях, в полдневных странах,
Ко Христу зывал дрожащий клир:
— Да хранит от ярости норманнов
Верный церкви христианский мир.

II

Я седые разбираю руны
Потаённой памяти моей,
Старой арфы слышу говор струнный,
Весел плеск и ропоты морей.

Тень встает в туманах полуношных,
Опирающаяся на меч, —
Узнаю тебя, мой пращур мощный,
Запевала грабежей и сеч.

Рослый, меднокудрый, бородатый,
Ты молчишь, приемля волн хвалы,
Шрам от сарацинского булата
Вьётся вдоль обветренной скулы.

И кольчуга холодно мерцает,
Пены брызгами орошена,
И ладья твоя летит, качаясь,
Сквозь пространства, ветры, времена...

А над Балтикой, — ты помнишь, Эрик? —
Вечер молчаливый угасал,
Шли ладьи, родной покинув берег,
Шли ладьи, раскинув паруса.

Стаей кречетов ладьи летели,
Кровь зари стекала по щитам,
Паруса, вздуваясь, шелестели,
Волны льнули к выгнутым бортам.

О богах родимого Готланда,
О морских глубин холодной мгле,
О свирепых скрялингах Винланда
Пели скальды на крутой корме.

Пели скальды, рокотали воды,
Уносился ветер наугад,
Тускло рдел предвестник непогоды —
Раскалённый докрасна закат.

Так, по воле паруса и ветра,
Словно жизнь, прекрасен и жесток,
Плыл с дружиной старого Хрорекра —
Эрик, сын Яльмара, на восток.

Ш

Нежная, покорными глазами
Княжишь ты, бездумна и ясна,
Сладости безмолвные лобзанья,
Невзначайной ласки тишина.

Твой призывный, ветрами звучащий
Голос древние приносит сны,
Тихий шорох непробудной чащи,
Плеск прозрачной ильменской волны.

А когда неожиданными слезами
Затуманится твой светлый взор,
Восстают забытые сказанья,
Затаённые на дне озер.

Помнишь, слушая, как вьюга злится
И терзает чахлые поля,
Ты в своей бревенчатой светлице
Пряжу до полуночи ткала.

А весною, на заре туманной,
Над изгибом медленной реки,
На вершине Чудского кургана
Ты сплетала бледные венки.

**Помнишь, как в испуганной печали
Протекали на пиру часы,
Как подруги с песней расплетали
Кольца русой девичьей косы,**

**Как, дрожа, легла ты ночью хмурой,
Внемля влажным возгласам дождя,
На покрытое медвежьей шкурой
Ложе рыжекудрого вождя.**

IV

**За ладьёй моей весёлой стаей
Волны-псы не гонятся, ворча,
И рука моя не обнимает
Кованую рукоять меча.**

**Ветер, песни, сны, воспоминанья,
Тихий отзвук жизни вековой,
Лишь закат, как боевое знамя,
Развевается над головой.**

**Но, бессилен и обезоружен,
Слышу всё ж дружин суровый зов,
Всё же я с широким морем дружен,
С крыльями беспечных парусов.**

**Я люблю прибрежную тропую
Пробираться при мерцаньи звёзд,
Я люблю суровый рёв прибоя,
Яростно дробящего утёс.**

**Чёрную люблю крутую спину
Мерно вырастающей волны,
Шквалами разломанные льдины,
Тронутые оловом луны.**

А когда, как гость на новоселье,
Тьма придёт и скроет небеса
И когда медлительно застелит
Роковой туман мои глаза, —

Рухнет шумная волна на берег,
И, сверкая взора синевой,
Из тумана прародитель Эрик
Царственно возникнет предо мной.

Мощью, равной ясеню иль буку,
Встанет он, кольчугою звеня,
И протянет жилистую руку,
И в ладью свою возьмёт меня.

И помчимся, с чёрной зыбью споря,
В непроглядной тьме, сквозь ураган,
По волнам неведомого моря
К сумрачным, скалистым берегам.

И, взойдя на облачные скалы,
В синем блеске ледяных лучей
Я вступлю в высокую Валгаллу
Под бряцанье арф и лязг мечей.

V

Не томи напрасною тревогой
Сердце юное и слёз не лей,
Если ночью выйду на дорогу,
Вьющуюся меж пустых полей.

Если долго буду слушать волны
И прибоя вспененного шум,
Если, ветрами и ночью полный,
Возвращусь рассеян и угрюм.

Мне ль покинуть сонные озёра,
Леса шепчущую глубину,
И зелёно-дымчатые взоры,
И твоих улыбок тишину?

Нет, навеки я тобой окован,
От тебя мне некуда уйти,
Тихим волхованьем зачарован,
Старых странствий я забыл пути.

Слушай тихие повествованья,
Дочь страны озерной и лесной,
Слушай эти смутные сказанья,
Для тебя лишь сложенные мной.

Знали викинги одну отраду —
Бег ладьи да пиршество меча,
Жемчуг, золото — смелому награда,
Пахнувшая мускусом парча.

Были алчны, веселы, упорны...
Только, знаешь, не ушёл домой
От страны славян, от глаз покорных —
Эрик — сын Яльмара — пращур мой.